

К вопросу о реформировании высшего богословского образования в России начала XX века

Н. Ю. Налётова

В статье исследуется процесс реформирования высшей духовной школы в начале XX века. Идеиная борьба, развернувшаяся по поводу целей и задач богословской науки, а также форм административной, образовательной и воспитательной деятельности, стала своеобразным зеркалом, отразившим все многообразие проблем церковной педагогической практики и общественной жизни тех лет.

Ключевые слова: история духовного образования, реформирование высшего богословского образования в России (начало XX века).

To a Question on Reforming the Higher Theological Education in Russia at the Beginning of the XX-th Century

N. Yu. Nalyotova

In this article the process of reforming the Higher Theological education at the beginning of the XX century is studied. The ideological struggle started on tasks and aims of the theological science and also the forms of administrative, educational and pedagogical activity, became a certain mirror reflected the whole range of problems of church pedagogical practice and social life of those years.

Key words: history of ecclesiastic education, reforming the Higher Theological education (beginning of the XX century).

В контексте современных напряженных споров о тенденциях, насущных целях и задачах российского образования педагогическая наука активно участвует в осмыслении своего исторического прошлого, так как знание опыта предшественников – одно из условий поступательного развития общества.

Одной из областей научного интереса становится история развития высшего духовного образования в России начала XX века.

Это направление уже находило отражение как в работах представителей общественной мысли второй половины XIX – начала XX века: Н. Н. Глубоковского, А. В. Доброклонского, С. Г. Рункевича, И. К. Смолича, протоиерея Г. Флоровского, так и в работах современных авторов: иеромонаха Владимира (Котлярова), С. В. Голубцова, М. Н. Костиковой, А. В. Овчинникова, А. И. Осипова, Н. Ю. Суховой. Однако лишь немногие из вышеперечисленных исследователей напрямую обращались к вопросу реформирования высшей духовной школы в начале XX века.

Следует отметить, что достаточно обширную информацию по указанной проблеме содержат архивные источники. Прежде всего, это материалы Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга, в фондах которого хранятся документы Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода (фонд 796), Канцелярии обер-прокурора (фонд 797) и Учебного комитета при Святейшем Синоде (фонд 802).

Так, фонд 802 привлек внимание автора благодаря хранящейся в нем делопроизводительной документации духовных академий: журналы заседаний учебного комитета; журналы совещаний по духовно-учебной реформе при Святейшем Синоде; отчеты о ревизиях 1905 и 1908 гг.; частная переписка официального характера, состоящая из донесений и писем инспекторов, ректоров

и епархиальных архиереев и содержащая интересные сведения о текущих событиях в академиях, а также официальные заявления профессоров по вопросу реформ; многочисленные проекты академического устава и петиции студентов.

Ожесточенные споры и противоречия, которыми так полна история академического образования в России обозначенного периода, являются яркой иллюстрацией тех процессов, которые, охватив все слои русского общества, в конечном итоге привели к революционной катастрофе 1917 года.

В статье автор пытается выяснить, какие пути для выхода из складывающегося положения предлагали представители тех или иных церковно-общественных кругов.

С этой целью рассматриваются основные идейные направления в церковно-общественной среде по академическому вопросу, которые сформировались в описываемый период.

Видится правильным отметить, что в течение XIX века в области высшего духовного образования были проведены четыре коренные реформы, каждая из которых являлась отражением господствовавших в данный момент политических воззрений. Следует заметить, что реформы никогда не исходили от Святейшего Синода, он только проводил их, действуя под давлением преобладавшего политического направления или государственной власти в лице обер-прокурора.

Так, либеральная учебная реформа Александра I (1808–1814) заменена была реакционной реформой императора Николая I (1839), и та же смена реформ образовательной системы повторилась при переходе от либеральных уставов (1867–1869) к консервативным (1884).

Спорность и явная несогласованность образовательных реформ XIX века вызвала активное недовольство и серьезную критику как со сторо-

ны представителей духовных школ, так и со стороны духовенства и епископата Русской православной церкви. «Требования новых реформ» в области богословского образования неоднократно выдвигались в начале XX века.

Различные проекты преобразований духовной школы рассматривались на Предсоборном присутствии 1906 г., задачей которого стала выработка мер, «в основу которых», по воспоминаниям преосвященного Арсения, «должны быть положены начала будущей реформы» [1. Л. 13].

Начавшиеся в России в 1905 г. массовые студенческие волнения не оставили в стороне и студентов духовных школ, что и послужило причиной срочного рассмотрения церковными властями вопроса о реформе духовных академий. Впрочем, последовавшая за студенческими беспорядками реакция Святейшего Синода, предписавшего советам академий подготовить проекты нового устава, была ожидаема не только студентами, но и всей ученой церковной общественностью.

Из среды иерархов и профессуры в ходе обсуждения насущных вопросов российского богословского образования выделились три партии – «автономисты», «охранители» и «ревнителю».

Партию сторонников автономии высшей духовной школы составило большинство преподавателей всех четырех действующих в России духовных академий, среди которых наибольшим процентом «автономистов» в корпорации отличалась Санкт-Петербургская академия. В этом плане показательным заседанием совета Санкт-Петербургской духовной академии 3 октября 1905 г., на котором большинством голосов – 21 против 1 (ректора академии епископа Сергия (Страгородского)) – была признана необходимость введения автономных начал в академии [1. Л. 178].

Ядро, или ударную группу партии «автономистов», составили молодые академические преподаватели и либерально настроенная часть профессуры. Кроме единого взгляда на академическую реформу, практически всех их объединяла еще и принадлежность к критическому направлению в богословской науке.

Свои взгляды на академические вопросы «автономисты» выражали как на заседаниях советов академий и комиссий, так и на страницах светской и церковной печати. Наиболее яркими представителями партии «автономистов» являлись профессоры Н. М. Дроздов, В. З. Завитневич, П. П. Кудрявцев, И. В. Попов, протоиереи А. П. Рождественский, В. П. Рыбинский, В. С. Серебренников, протоиереи Ф. И. Титов, Б. В. Титлинов, П. В. Тихомиров, В. И. Экземплярский [2. С. 425].

Наиболее полно программа «автономистов» выражена в таких, например, официальных академических документах, как проекты устава, выработанные специальными академическими комиссиями согласно указу Святейшего Синода от 30. 11. 1905 г. [1. Л. 215]. В предложенных академиями проектах просматривается симпатия большинства академической профессуры к уставу 1869 г., как известно, отличавшемуся предоставлением высшей духовной школе некоторого самоуправления и свобод в научном творчестве.

Среди сторонников идеи автономии были и те, кто не до конца разделял взгляды большинства своих «однопартийцев». Умеренных взглядов относительно автономии высшей духовной школы придерживались архиепископ Херсонский Димитрий, епископ Могилевский Стефан (участники Комиссий 1909 и 1911 гг.), а также профессора Н. Н. Глубоковский, И. С. Пальмов, И. Г. Троицкий, которые вполне сочувствовали идее автономии в учебно-научной части, но выступали против автономии в административном устройстве. По мнению этой части «автономистов», принцип независимости академий в управлении может внести разлад в академическую корпорацию, вызовет внутрикорпоративную борьбу и помешает тем самым преподавательской и научной деятельности.

Программа «автономистов» явилась результатом общего недовольства действующим уставом 1884 г., который, по общему мнению, препятствовал нормальному течению в духовных школах научного и образовательного процесса. С другой стороны, требования демократизации и децентрализации, выдвинутые академической профессурой, во многом были навеяны общим революционным настроением, царившим тогда в стране. Будучи вызваны общественно-политическими настроениями времени, они во многом соответствовали требованиям, выдвигаемым светской ученой общественностью в отношении университетов. Несмотря на это, не может не вызвать сочувствия стремление «автономистов» максимально приблизить духовные академии к жизни, преодолеть известную обособленность и замкнутость духовной школы.

В противоположность «автономистам», другая часть научно-академической общественности считала Устав 1884 г. вполне приемлемым для духовных академий. Более того, сохранение этого устава связывалось ими с самим сохранением жизнеспособности и защищенности духовного образования от обмирщения.

Наиболее яркими представителями партии «охранителей» были профессоры И. С. Бердников, С. Т. Голубев, В. Ф. Певницкий и К. Д. Попов, считавшиеся консервативной частью акаде-

мической российской профессуры. В их число вошли большинство ректоров и инспекторов духовных школ. Несмотря на кажущуюся малочисленность (а в корпорациях, действительно, их было очень мало), «охранители», как правило, составляли большинство в созываемых Святейшим Синодом комиссиях по реформированию духовных школ. Как и «автономисты», они активно публиковались в светской и духовной прессе, что создало великолепную почву для изучения их позиции. Кроме этого, богатым для изучения материалом являются выступления «охранителей» на заседаниях V отдела Предсоборного Присутствия.

Целью «охранителей», как мы уже сказали, являлось сохранение устава 1884 г. По их суждению, упадок академий и вообще богословского образования, о чем так много говорили их оппоненты, был вызван революционным брожением в обществе, которое коснулось академической профессуры и студенчества по причине многочисленных нарушений самого устава. Главной мерой, способствующей восстановлению нормального хода академической жизни, признавалось строгое подчинение академическому уставу и церковной дисциплине. Для «охранителей» требования автономии, самоуправления, выборов, распространившихся в академической среде одновременно с развитием в стране революционного движения, являлись революционной терминологией, ассоциировались с разрушением и освобождением от религии.

Исходя из своей принципиальной позиции по академическому вопросу, «охранители» требовали сохранить принцип иерархического устройства академического управления и подчинения его духовной власти, усилить контроль со стороны администрации за учебной частью и процессом воспитания студенчества.

Выделение части участников обсуждения реформы в третью группу – «ревнителей» – может показаться несколько натянутым. Действительно, на первый взгляд, их позиция мало чем отличалась от программы «охранителей». Так же, как и последние, они не принимали идею ослабления архиерейской власти, самоуправления совета, выборности ректора, введения в академическое управление светских лиц. Так же, как и «охранители», они высказывались против углубленной специализации и равноправного положения светских наук.

Но если внешняя формулировка взглядов этих двух партий была одинакова, то понимание внутренней сути каждого отдельного требования различалось. Особенно четко полярность этих двух внешне схожих партий проявилась в ходе деятельности комиссии 1909 г., когда «охраните-

ли», как представители ученого сословия, делали упор на научных задачах академий, а «ревнители» – на практических духовных и пастырско-миссионерских задачах.

К числу «ревнителей» переустройства академий в духовные школы, не по одному только названию, а по сути, можно отнести преосвященных Антония (Храповицкого); Сергия (Страгородского); Федора (Поздеевского) – с 1909 года ректора Московской духовной академии; Феофана (Быстрова) – ректора Санкт-Петербургской академии; архимандрита Иллариона (Троицкого) – с 1913 г. инспектора Московской духовной академии; профессора Д. И. Богдашевского – будущего инспектора и ректора Киевской духовной академии (в иночестве Василия); С. М. Зарина – будущего инспектора Санкт-Петербургской духовной академии; обер-прокурора В. К. Саблера. К «ревнителям» можно отнести и владыку Арсения (Стадницкого), имевшего непосредственное отношение к высшей духовной школе и учебному ведомству как раз в начале обсуждения вопроса реформы [2. С. 433].

Противоположность взглядов «охранителей» и «ревнителей» становится очевидна при сравнении их отношения к ряду важнейших вопросов. На самом деле, если для первых архиерейская власть была внешним фактором, обеспечивающим порядок и спокойствие в академии, то для вторых важно было участие архипастыря в жизни высшей духовной школы, наличие живой связи епископа с академией. Если первые, отстаивая количественное усвоение всех богословских предметов, не касались изменения их внутреннего построения, то вторые высказывались за полное переустройство системы изучения богословия: за раскрытие в богословской системе того, что «имеется в ней церковного, богооткровенного» [3. С. 160], за основание богословских знаний на живой святоотеческой традиции, за расширение изучения первоисточников. Если для первых регламентация студенческой жизни означала контроль над внешним исполнением религиозных обрядов, то для вторых она подразумевала деятельное участие студентов в церковной жизни, воспитание людей, «несущих свет миру». Если «охранители» не принимали автономии только из-за того, что относили ее к разряду революционных идей, то для «ревнителей» она была просто чужеродным элементом.

По сути, «ревнители» предлагали совершенно новую программу академического переустройства и, в идеале, высказывались за коренную ломку существующего типа высшего духовного учебного заведения. По их мнению, духовная академия должна готовить не столько ученого – специалиста, замкнутого на изучении своей об-

ласти науки и оторванного, таким образом, от жизни, сколько образованного пастыря, несущего свидетельство о Боге в светское общество. Именно это и отталкивало академическую профессию, воспринималось как «фанатичное» стремление иерархов из всех выпускников академий сделать священнослужителей, пренебрегая при этом научно-исследовательской работой [4. С. 86].

Недооценка частью профессуры той роли оплота пастырства в церкви, которую «ревнители» относили к академии, коренится в непонимании смысла пастырского служения, чему многие «ревнители» посвятили труды всей своей жизни. По их глубокому убеждению, в Русской православной церкви, особенно в современный им период, остро ощущалась потребность в высокообразованных священниках, не либеральничающих и не заигрывающих с обществом, а ведущих за собой. «Современный пастырь, – писал преосвященный Антоний (Храповицкий), – должен быть хозяином в воззрениях века на все стороны бытия и жизни, должен ясно сознавать их согласие и несогласие с учением христианским, должен уметь дать оценку всякой философской идее, хотя бы вскользь брошенной в модной повести или в журнальной статье» [5. С. 129]. Именно духовная академия, как высшая ступень в подготовке пастырства, могла расширить и дополнить необходимые пастырю знания.

Следующим пунктом, дающим нам возможность наблюдать принципиальное расхождение в понимании задач высшей духовной школы, и теперь уже не только «охранителей» и «ревнителей», но и «автономистов», является кадровый вопрос. Многие «ревнители», и в частности владыка Антоний (Храповицкий), подчеркивали, что одного желанья и усердия в деле духовного просвещения недостаточно – необходима благодать священства. Отсюда вытекало новое требование касательно преподавательского состава: подготовкой будущих пастырей должны были заниматься не миряне, а лица духовные. Бесспорно, такая постановка вопроса вызывала негодование светской профессуры, независимо от принадлежности к «охранителям» или «автономистам», и расценивалась ее представителями как стремление удалить из академий всех светских профессоров.

Таким образом, мы рассмотрели три основных подхода ученой академической мысли к вопросу реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века. Из приведенного обзора можно сделать вывод, что нараставшее в академиях еще до событий 1905 г. противостоя-

ние коренилось в действительно имевших место в высшей духовной школе серьезных глубинных проблемах. Наличие же различных взглядов на решение этих проблем означало то, что академии во многом уже не удовлетворяли ни религиозным исканиям русского общества, ни научным запросам профессорско-преподавательских корпораций, ни практическим нуждам духовного сословия. Все это делало вопрос о реформировании высшей духовной школы одним из важнейших в ряду насущных вопросов церковной жизни начала XX века [6. С. 480].

Анализ академической реформы выявил отсутствие в церковно-общественных кругах единодушия и взаимопонимания по многим жизненно важным для церкви вопросам. В силу неподготовленности общественного сознания к серьезному обсуждению назревших проблем, проявившиеся расхождения во взглядах постепенно перерастали в открытое противостояние, делающее невозможным какой-либо диалог. В итоге, конструктивное решение многих насущных вопросов церковной жизни стало возможно только в 1917 году, когда грохот канонад отрезвил противоборствующие стороны.

В статье рассмотрены не все вопросы, касающиеся реформ высшего богословского образования в России начала XX века. Исследовать их – дело будущего, тем более, что предреволюционная история академического образования богата темами для специального изучения.

Библиографический список

1. РГИА. – Ф. 802. – Оп. 16. – Ед. хр. 168.
2. Смолич, И. К. История Русской Церкви. 1700–1917: в 2 ч. [Текст] / И. К. Смолич; пер. с нем. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996–1997. – 800 с.
3. Рклицкий, Никон (архиепископ). Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого [Текст] / Никон Рклицкий. – Нью-Йорк, 1967. – 345 с.
4. Глубоковский, Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии [Текст] / Н. Н. Глубоковский. – М., 2002. – 190 с.
5. Вердников, А. В. Жизнь духовной школы [Текст] / А. В. Вердников // Храповицкий Антоний (архиепископ). Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской Духовной Академии в марте и апреле 1908 года / А. В. Вердников. – М., 1967. – 280 с.
6. Флоровский, Г., протоиерей. Пути русского богословия [Текст] / Г. Флоровский. – Париж, 1937. – 599 с.